

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Кавказские богатыри

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Кавказские богатыри: Часть 1 / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 175 с.

ISBN 978-5-519-98963-3

Кавказские богатыри. Очерки жизни и войны в Дагестане

ISBN 978-5-519-98963-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ее не смущало, что путь былъ пробить надъ пропастью, по карнизу, гдѣ только и помѣщалась ея узенькая ступня. Она даже стала шаловливо раскачиваться, рискуя слетѣть въ бездонную низину. Ее въ утреннемъ воздухѣ точно поддерживали крылья.

— Эй, урусь! — крикнула она еще разъ.

Эхо замерло въ далекомъ ущельѣ, но никто опять не отозвался.

Она ненадолго задумалась, о чемъ — и сама бы не отвѣтила, и вдругъ по всему этому ущелью прокатился ея звучный, трудной голосъ. Казалось, чудной природѣ недоставало только пѣсни, чтобы разомъ стряхнуть съ себя очарованіе холодной ночи.

Полузажмурясь, дѣвушка пѣла, нисколько не заботясь, слушаетъ ее кто или нѣтъ:

„Смертоносный клинокъ мой со мною,
Я очистилъ и дуло ружья.
Глазъ мой вѣренъ и зорокъ... Съ тобою
Будетъ весело горной тропою
Убѣжать намъ, орлица моя!

Пусть настигнетъ, исполненный мести,
Твой отецъ, насъ обоихъ кланя.
Умереть не боимся мы вмѣстѣ:—
Пуля мѣткая — въ сердце невѣстѣ,
Смертоносный клинокъ—для меня.

Азраиль унесетъ насъ высоко,
Гдѣ волшебныя птицы поютъ.
У дворцовъ бирюзовыхъ Пророка
Тамъ прекрасныя звѣзды востока
На деревьяхъ волшебныхъ цвѣтутъ.

Она даже подняла голову вверхъ, точно желая разсмотрѣть, не покажется ли и ей въ густѣвшей уже синевѣ [неба сказочный дворецъ, но, вмѣсто его бирюзовыхъ стѣнъ, она увидѣла своихъ подругъ, по такимъ же узенькимъ тропинкамъ и лѣстницамъ бѣжавшихъ съ кувшинами на правомъ плечѣ и звавшихъ ее.

— Селтанетъ, Селтанетъ! Ты всегда первая!.. Ранняя птичка!..

Онѣ вмѣстѣ сошли внизъ, откуда скоро послышался звонъ воды. падавшей въ кувшины, и громкій смѣхъ молодыхъ лезгинокъ. Селтанетъ хохотала громче всѣхъ, точно отводя душу послѣ долгаго молчанія въ домъ суроваго отца.

— Что это съ тобою?—спрашивали ее другія дѣвушки.

— Ей урусь сегодня сорветъ вѣтку аксана!

Селтанеть нахмурилась, Сорвать вѣтку этого горнаго куста значило то же, что посвататься.

— Мнѣ не за чѣмъ: меня еще не собираются продавать туркамъ.

Одна изъ дѣвушекъ безпечно захохотала.

— Это ты „на мою кровлю шелуху выбросила“. Что-жъ, я нисколько не жалѣю, что меня отецъ продаетъ. Мнѣ ужъ надоѣло здѣсь на однихъ чурекахъ да на кисломъ арьянѣ (простоквашѣ) сидѣть. Рубашки не на что шить: одна, да и та въ лохмотьяхъ. А тамъ богато живутъ: каждый день буду новыя шелковыя шальвары надѣвать... Съ позументами. Чахланъ (куртка) въ золотѣ... Всѣ мнѣ позавидуютъ; безъ баранины ѣсть не стану. Ни одна казкумукская невѣста такой жизни не видала. Всѣ вы станете завидовать Девлетъ-Канъ. Каждое утро я буду пить душабъ *).

— Кукуруза дома лучше шербета на чужбинѣ!

— Оставь ее, Селтанеть; ты видишь, дѣвка съ ума сошла совсѣмъ. Скорѣе заставишь змѣю хвостомъ шипѣть, чѣмъ ее убѣдишь.

Селтанеть еще разъ оглянулась на толстую Девлетъ-Канъ и, покачавъ головою, пошла вверхъ. За нею быстро подымалась та, которая первую отозвалась ей.

— Ну, что, Селтанеть, ты все сдѣлала, что я совѣтовала тебѣ?

— Да, Асланъ-Козъ! Положила себѣ на ночь подъ подушку *турланъ* съ жареными зернами ячменя.

— А турланъ сама вырвала въ полѣ?

— Какъ солнце садилось, — нашла эту траву и выдернула, глядя на западъ, къ Меккѣ.

— И все зеленымъ шелкомъ завернула?

— Какъ ты говорила, такъ и сдѣлала. Только Богъ знаетъ какіе сны видѣли: душили меня, въ водѣ я тонула, въ пропасти падала.

— Это значить — „дивы“ пошутили надъ тобою. Повтори еще разъ сегодня. Да! вѣдь вчера суббота была, — тогда все понятно. Суббота самый несчастный день въ недѣлѣ, — въ субботу, сама знаешь, никто ничего не предпринимаетъ. А ужъ гадать и подавно не слѣдуетъ. Повтори опять сегодня, — увидишь. Я на прошлой недѣлѣ сдѣлала это въ ночь на четвергъ, — отличный сонъ видѣла.

*) Питье, составленное изъ меду съ лепестками различныхъ цвѣтовъ.

Какъ-будто мой братъ изъ набѣга привезъ пропасть всякаго добра, и шелковыхъ матерій, и золотыхъ монетъ. А Селимъ вмѣстѣ съ нимъ столько награбилъ, что сразу весь калымъ заплатилъ за меня отцу и женился на мнѣ. Должно быть, скоро наши уйдутъ на газавать*), за Дербентъ и тогда сонъ мой исполнится. Жаль, Селтанетъ, что послѣ такихъ сновъ просыпаться приходится! Вмѣстѣ бы мы и свадьбу сыграли.

— Не вбивай гвоздя въ стѣну для роговъ, когда туръ еще по горамъ бѣгаетъ.

— Сонъ на четвергъ лгать не можетъ. Четвергъ не суббота. А мнѣ жалко Девлетъ-Канъ, все-таки она росла съ нами.

— Что ее жалѣть; тоже нашла! Она спитъ и видитъ, чтобы ее продали скорѣе. И родня у нея все такая. Бабка ея у насъ по горамъ славилась—колдунья была. Никто лучше ея не могъ найти ханулиперъ (собачья—лай-трава) въ полѣ. А искала вѣдь въ темныя ночи, когда ни одной звѣзды на небѣ не было!

— Зачѣмъ ей?

— Много она народа этимъ корнемъ испортила! Ты знаешь, онъ вѣдь на медвѣжью лапу похожъ. Рвать его надо съ умомъ. Лечь на землю такъ, чтобы собою всѣ его листья покрыть, вырвать сразу, — когда оканчиваешь заклатье, а потомъ высушить въ печи и опрыскать кровью совы... Тогда примѣшай къ просу или къ айрану—и дай кому хочешь, сейчасъ же залаетъ собакой, умъ потеряетъ, высохнетъ весь и умретъ. Такого испорченнаго убить надо, потому что онъ на смерть можетъ закусать каждого.

— Ну, Девлетъ-Канъ не такая. Она просто глупа.

— Не такая? А я разъ ее на чемъ поймала. Иду мимо ночью, а она золу изъ дому выбрасываетъ **). Не такая! Нѣтъ, ужъ лучше пусть ее туркамъ продадутъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ей тамъ слаще будетъ.

Асланъ-Козъ оборвалась разомъ.

Надъ одной изъ башенъ вверху, стоявшей на самомъ темени утеса, показался мулла въ зеленой чалмѣ и, окинувъ взглядомъ

*) Газавать—священная война съ невѣрными.

**) Это, по мнѣнiю сувѣрныхъ леэгинъ значить наводить порчу на ту сторону, куда летитъ зола.

горы и ущелья, вдругъ приложилъ къ губамъ ладони и на весь этотъ просторъ, надъ безлюдными уликами аула медленно и печально сталъ выкрикивать священные слова корана:

— Ля-илляхи-иль-Алла!.. Магометъ-рассуль-Алла!.. (Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Бога!).

Точно ожидавшій этого призыва, на голосъ муэззина со всѣхъ сторонъ на кровли саклей выползалъ народъ. У каждаго лезгина былъ коврикъ въ рукахъ, у кого такого не было, тотъ выходилъ съ черкеской. Разостлавъ ихъ на крышѣ, правовѣрные становились на колѣни.

Начинался самый важный изъ намазовъ—первый утренній. Всѣ въ ожиданіи его уже совершили положенное закономъ омовеніе и теперь, обращаясь лицомъ къ Меккѣ, читали молитвы и дѣлали установленные поклоны. Пропустить этотъ намазъ—большой грѣхъ. Вышелъ на кровлю и отецъ Селтанетъ, снялъ верхнюю одежду, разостлавъ ее и, сначала стоя, прочелъ первую молитву—альхамъ:

„Во имя Бога милосердаго, да будетъ благословенъ день и часъ сей. Хвала Господу всѣхъ тварей, Царю суднаго дня. Хвала Владыкѣ добродѣющему всѣмъ на землѣ, имѣющимъ дыханіе, и на томъ свѣтѣ вознаграждающему добрыхъ и крающему злыхъ... Тебѣ мы служимъ, къ Тебѣ прибѣгаемъ за помощью, настави насъ на путь правый, угодный Тебѣ, отклони отъ насъ все злое. Избави насъ отъ соблазновъ шайтана. Да будетъ такъ, да будетъ такъ, да будетъ такъ!“

Старикъ теперь опустился на колѣни.

Окончивъ намазъ, старикъ строго посмотрѣлъ на стоявшихъ внизу въ благоговѣніи Селтанетъ и Асланъ-Козъ.

— Если бы вы не болтали внизу лишняго,—не опаздывали бы къ молитвѣ... Недаромъ наша пословица говоритъ: гдѣ соберутся двѣ дѣвушки,—тамъ три зла, потому что между ними всегда шайтанъ!

Онъ дождался, когда зеленая чалма муллы исчезла съ башни, замѣнявшей здѣсь минареть, и зорко началъ вглядываться въ глубину долины, откуда туманъ ужъ подымался вверхъ по утесамъ и склонамъ горъ. Сакля стараго Гассана стояла у края аула—тамъ, гдѣ защитниками его были построены про всякій случай каменные стѣны съ зубцами. За ними—пропасть, по другую сторону кото-

рой далеко, далеко одно за другимъ ракидывались ущелья, и долины, и Богъ вѣсть гдѣ—въ воздухѣ, у самого небосклона, голубѣль похожій на миражъ Каспій.

Когда отецъ Селтанетъ усталъ смотрѣть вдаль, вниманіе его вызвалъ шумъ на узкихъ улицахъ аула. Путь по нимъ шелъ ступенями, то вверхъ, то внизъ. Онѣ змѣнились во всѣ стороны, то огибая выступы скалы, то минуя трещину, дна которой было не видно, переплетались узлами, запутывались въ лабиринты и распадались на другія но всякій разъ такъ, чтобы любое мѣсто ихъ можно было обстрѣливать, по крайней мѣрѣ изъ трехъ или четырехъ пунктовъ сразу. Часто поперекъ такой тѣснины между саклями торчала башня, опиравшаяся на ихъ кровли и кое-какъ выложенная изъ дикаго камня. Перегораживая улицу, она давала возможность нѣсколькимъ удалцамъ, засѣвшимъ въ нее, бить на выборъ вверхъ или внизъ всѣхъ, кто неосторожно забрался бы въ эту западню. Проходъ для народа былъ подъ башней, а ея бойницы грозно смотрѣли во всѣ стороны. Самыя сакли лезгинскаго аула были выстроены такъ, что всякая при необходимости могла обратиться въ крѣпость. Окна узкія и черныя были достаточны для ружейнаго дула, но слишкомъ малы для того, чтобы свѣтъ проникалъ въ темноту, за ними. Плоскія кровли, крытыя киромъ, тоже ступенями лѣстницъ разбѣгались во всѣ стороны. Эти ступени покрыли вершину горы, на самое темя которой взобралась старая мечеть. Каждая кровля была дворикомъ для слѣдующей, стоявшей надъ ней, сакли. Отъ одной къ другой часто опускались деревянные лѣсенки, и словоохотливыя лезгинки вовсе не нуждались въ улицахъ, чтобы съ одного конца этого населеннаго и большого аула попасть на другой его край. Кое-гдѣ были площадки съ ладонь. На нихъ порою торчало жалкое деревцо, чаще всего карагачъ, не находившее достаточно соковъ въ жесткомъ тѣлѣ утеса, трещины, котораго оно заполняло своими цѣпкими корнями. Около мечети, вверху, по обычаю, раскидывалась главная аульная площадь—*Гудеканъ*, гдѣ происходилъ *джамаатъ*—народныя собранія, совѣты стариковъ. Издали площади этой видно не было, но зато на нее снизу горцы нанесли въ корзинахъ земли, и тамъ выросла единственная здѣсь могучая чинара, покрывавшая ее шатромъ своихъ вѣтвей. Со всѣхъ сторонъ на этой площади сдѣланы

были навѣсы, подъ которыми въ обыкновенные дни продавались всякая мелочь и оружіе. Въ праздники здѣсь совершался судъ по обычаю (адатъ), или по корану (шаріатъ). Старикъ Гассанъ выросъ въ этомъ аулѣ. Въ молодости онъ выѣзжалъ отсюда только въ набѣги на русскія станицы; но когда глаза его стали плохо видѣть, а душа охладѣла къ боевымъ приключеніямъ, онъ засѣлъ въ скалѣ и сталъ только принимать участіе въ джамаатѣ. Вліяніе его на немъ росло, и онъ вмѣстѣ съ другими „почетными стариками“ сталъ красить себѣ бороду въ красное—хною, занималъ въ мечети мѣсто у рѣшетки, за которой засѣдали муталлимы, и во всѣхъ процессіяхъ ему принадлежала завидная роль нести передъ муллою саблю и рубить голову жертвенному барану, кровь котораго непременно должна была брызнуть на ступень мечети. У Гассана была только одна дочь Селтанетъ, но онъ гордился ею. Такой красавицы не было ни въ одномъ изъ окрестныхъ ауловъ. Джансеидъ хотѣлъ жениться на ней,—но у кавказскихъ горцевъ невѣсть покупали, а старикъ зналъ цѣну своему товару и назначилъ за дѣвушку такой калымъ, что юношѣ оставалось или отказаться отъ нея, или сдѣлать отчаянный набѣгъ въ русскіе предѣлы. Онъ ждалъ такого вмѣстѣ съ своимъ другомъ Селимомъ, женихомъ Асланъ-Козь. Въ лезгинскихъ аулахъ дѣвушки были свободны. Онѣ дѣлались рабынями, только выходя замужъ, когда старухи покрывали имъ лицо бѣлыми чадрами.

Солнце начинало уже сильно пригрѣвать.

Гассанъ сбросилъ длинную тавлинскую шубу съ узкими рукавами въ которые нельзя было просунуть руки, рукавами, падавшими на землю и волочившимися по ней,—и растянулся на плоской кровлѣ. Онъ сталъ было засыпать, какъ вдругъ вздрогнулъ и поднялся. Совѣтъ не въ урочное время „будунъ“ — помощникъ муллы съ верхушки башни сталъ выкрикивать на весь лезгинскій аулъ — призывъ на джамаатъ:

„Великъ Аллахъ, великъ Аллахъ!..

Свидѣтельствую: нѣтъ иного, кромѣ Единаго!

Свидѣтельствую: Магометъ—посолъ его!..

Приходите молиться,

Приходите къ счастію:

Молитва лучше сна и покоя!..

Великъ Богъ, великъ Богъ!—
Нѣтъ Бога, кромѣ Бога—
Сходитесь, правовѣрные, къ джамаату,
Бросайте сакли и занятія,
Торопитесь послужить дѣлу вѣры,
И да будетъ проклятъ тотъ,
Кто отвратить сердце отъ этого призыва!“...

Аулъ ожилъ.

Точно кто-то расшевелилъ муравейникъ. Ступени узкихъ улицъ покрылись народомъ. Люди перескакивали съ кровли на кровлю, перекликались съ одной башни въ другую. Старикъ Гассанъ оправилъ на поясѣ кинжалъ, съ которымъ горець не растаетъ даже у себя въ саклѣ, крикнулъ Селтанетъ, чтобы та подала ему пи-столеты и папаху, опять надѣлъ на плечи длинную тавлинскую шубу и съ важнымъ видомъ сошелъ въ тѣнь и прохладу закоулка, круто поднимавшагося вверхъ къ мечети. По пути его нагналъ другой „почетный старикъ“, тоже съ окрашенною хною бороδοю, но въ зеленой чалмѣ.

— Алла да благословить тебя, Гассанъ.

— Милость его на тебѣ.

Обоихъ разбирало любопытство: зачѣмъ ихъ зовутъ на гуде-канъ, чтó за джамаатъ долженъ тамъ собраться? Но оба были бы слишкомъ плохими горскими дипломатами, если бы выразили это хоть однимъ вопросомъ. Напротивъ, лица у обоихъ выражали, какъ-будто каждый изъ нихъ отлично знаетъ въ чемъ дѣло, но бере-жетъ это про себя. Гассанъ тѣмъ не менѣе не выдержалъ и спро-силъ у пріятели:

— Вчера кабардинскій князь пріѣхалъ и остановился въ кунацкой у муллы?

— Я его видѣлъ. Шашка въ золотѣ... Конь изъ Карабаха,— шерсть такъ и горитъ на солнцѣ. Ночью привезли стараго турецкаго муллу, того самаго, что недавно жилъ у казикумухцевъ и хунзах-цевъ.

— Онъ у себя въ Требизондѣ великій шейхъ.

Позади нетерпѣливо подымалась толпа молодежи. Ихъ черкески были въ позументахъ, оружіе въ серебрѣ. Только нѣсколько узденей между ними щеголяли лохмотьями, точно показывая презрѣніе къ

пышности. Глаза у всѣхъ такъ и горѣли. Хотѣлось каждому узнать скорѣе, зачѣмъ зовутъ на джамаатъ, но никто не рѣшался перегнать стариковъ, медленно подымавшихся впереди. Даже когда усталый Гассанъ остановился и рукою пригласилъ ихъ идти далѣе, Джансеидъ и Селимъ, шедшіе въ головѣ этой внезапно присмирѣвшей орды, покорно сложили руки на груди и потупились въ знакъ полного самоотреченія.

— Идите, идите! Молодымъ соколамъ трудно ожидать старыхъ ослабѣвшихъ воронъ.

— Нѣтъ, отецъ, — отозвался Джансеидъ, — у насъ еще только отростаютъ когти, — кому же, какъ не сильному лезгинскому орлу вести насъ и въ бой, и на джамаатъ.

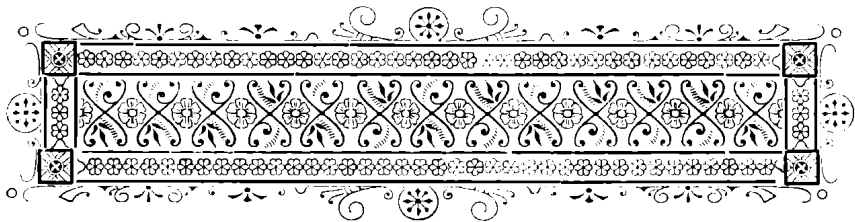
Гассанъ ласково улыбнулся и положилъ руку на плечо Джансеиду.

— Помоги мнѣ, соколенокъ.

Онъ подымался вверхъ, опираясь на него, и Джансеидъ боялся только одного, какъ бы не оступиться, уравнивая свой шагъ съ медленною поступью отца своей Селтанетъ. Джансеидъ являлся образчикомъ горской красоты и старикъ Гассанъ искоса любовался имъ.

— „Я самъ былъ когда-то такой,“ — думалъ онъ.

Подъ черными сросставшимися бровями открыто смотрѣли пламенные глаза. Тонкій носъ придавалъ лицу молодого лезгина что-то хищное. Смѣло улыбались губы, и выраженіе силы и мужества лежало на всей его фигурѣ, сказывалось въ каждомъ его движеніи. Широкія плечи и тонкая, какъ у дѣвушки, талія — по горской пословицѣ, — если бы онъ легъ на бокъ, то подъ его станомъ свободно могла пробѣжать кошка.

II

Джамаатъ.

Улочка, бѣжавшая вверхъ ступенями, изогнулась колѣномъ, пропала во мракѣ подъ старою башней и снова по ту сторону выбѣжала на солнце. Тутъ построились аульные купцы и ремесленники. Самли ихъ открывались наружу, опуская надъ улицей пестрые навѣсы, поддерживавшіеся тонкими жердями. Въ ихъ тѣни кипѣла своеобразная жизнь дагестанскаго базара. Стучали молотки чеканщиковъ по мѣднымъ тазамъ и подносамъ, шипѣло въ маленькихъ горнахъ пламя горскихъ кузнецовъ и брызгали во всѣ стороны искры отъ подковъ, выковывавшихся здѣсь на славу. Рядомъ кумухцы молчаливо и сосредоточенно расшивали золотыми шнурками и шелками сѣдла, кожи для туфель; цѣлыми сотнями приготавливались чевяки. Своеобразные ювелиры наводили чернь на серебро. Зѣваки стояли сплошною толпою передъ оружейниками, набивавшими золотые узоры на узкія дула ружей, на сталь шашекъ и кинжаловъ. Сердоликъ, бирюза, рубины—вдѣлывались на рукояти. Около небольшихъ лавченковъ съ канаусомъ, дараей и верблюжьимъ сукномъ, безмолвными призраками мелькали лезгинки, закутанныя съ головой въ сѣрыя отъ пыли и грязи чадры, глядя жадно на пестрые персидскія матеріи. Увидѣвъ молодежь, стремившуюся въ джамаатъ, — лезгинки по мѣстному обычаю отвернулись лицомъ къ стѣнѣ и словно за-

мерли, пропуская их мимо. Только нѣсколько дѣвочекъ - подростковъ съ любопытствомъ пялили большіе глаза на мужчинъ. До тринадцати лѣтъ дѣвочекъ не прятали, и онѣ, бѣгая по улицамъ, росли на свободѣ, обвѣшанныя серебряными монетами, звенѣвшими при каждомъ движеніи ребенка. Одна изъ дѣвочекъ подбѣжала къ Гассану, застѣнчиво и дико ткнулась ему головою въ руку, какъ котенокъ, просящій ласки. Старикъ засмѣялся, узнавъ племянницу, и погладилъ ея голову, всю въ мелко-мелко заплетеныхъ и переплетеныхъ съ золотыми шнурками косичкахъ.

Отсюда уже было недалеко до площади передъ мечетью.

Справа и слѣва въ канавкахъ журчала вода, бѣжавшая такимъ образомъ сверху изъ общественнаго бассейна. Еще нѣсколько шаговъ, и гудекая раскинулся передъ Гассаномъ, киша большими группами собравшагося народа. Джансеидъ и Селимъ остались съ другой молодежью у края площади, а старики важно прошли впередъ на почетныя мѣста, подъ громадное дерево, съ такимъ трудомъ еще ихъ прадедами выращенное передъ мечетью. Въ тѣни его неподвижно и истово ужъ сидѣли крашенныя бороды лезгинскаго аула. На привѣтствія подошедшихъ они отвѣтили также величаво и опять погрузились въ вѣчное созерцаніе своего достоинства и въ удивленіе къ нему. Между ними шныряли муталлимы—ученики муллы, готовившіе себя въ служители пророку, и разстилали на землѣ небольшіе коврики для остальныхъ, которые еще должны были собраться на призывъ будуна.

— Да будетъ благословенъ твой приходъ!—прошепталъ такой-же юноша, разстилавшій коврикъ для Гассана.

— Магометъ да вспомнить тебя, — отвѣтилъ тотъ и медленно опустилсѣ, поглаживая бороду и смыкая глаза, точно отъ усталости.

Никто не обнаруживалъ любопытства, зачѣмъ ихъ созвали сюда, хотя равнодушныхъ въ этомъ отношеніи здѣсь не было. Слѣдовало ждать появленіе муллы,—поэтому старики нѣтъ-нѣтъ да и взглядывали исподлобья направо, гдѣ рядомъ съ мечетью была въ глухой стѣнѣ прорѣзана калитка. Когда всѣ коврики оказались занятыми, муталлимы кинулись опростетью къ ней. Собраніе замерло. Смогла даже нетерпѣливая молодежь, толпившаяся по краямъ площади. Она не смѣла садиться въ присутствіи стариковъ и потому, по горскому обычаю, стояла, опираясь правою рукою на кинжалъ, а